

А. В.
АМОИТЕАТРОВ

Мертвые боги: Рассказы. Роман // Современник, Москва, 1991

ISBN: 5-270-01012-7

FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 1.3

UUID: BCFEF4D7-463B-4737-8AAB-1EBC447259A9

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

**Александр Валентинович
Амфитеатров**

Побег Лизы Басовой
(Бабы и дамы)

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатовым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Содержание

I0005
II0020
III0041
IV0062
Примечания0085

А. В. Амфитеатров
Побег Лизы Басовой

Храповицкий мещанин Тимофей Курляндков стоял на коленях в глубине «котла», выветренного в пластовой шиферной скале над Енисеем, и чинил рыболовную сеть. Он был очень не в духе. Сегодня утром неожиданно-негаданно пожаловала к нему из города на одинокую заимку жена его Ульяна, баба еще молодая, но пьяная и гулящая. Тимофей, человек степенный и работающий, ее терпеть не мог. Жили они давным-давно врозь: Ульяна — в городе по местам у «навозных», Тимофей — приказчиком-сторожем на глухой заимке, брошенной настоящим хозяином, красноярским купцом, чуть не в полную собственность Тимофея. Купец, великий фантазер и запивоха, весьма уважал Тимофея за честность и еще больше за то, что, «однако, курносый, как Сократ». Прежде чем спиться, купец успел поучиться в красноярской гимназии, а может быть, именно там-то и спился, как весьма многие сибирские юноши. Визиты Ульяны к мужу на заимку всегда означали одно и то же: что бабу бросил очередной любов-

ник, а она с досады и горя запьянствовала, потеряла место, безобразничала недели две по улицам и валялась хмельная у всех кабаков славного города Храповицка, пока наконец, пропившись дотла, не вспомнила о существовании где-то в глуши, за сорок пять верст, своего законного супруга. Сегодня Ульяна пришла в довольно приличном виде, то есть имела на себе юбку и башмаки. Два года назад, в последнее свидание супругов, она явилась очам изумленного Тимофея почти Евою: всю одежду заменял ей рогожный куль, который она носила как поп ризу. А на дворе потрескивали уже сентябрьские морозы. Другая бы замерзла либо простудилась насмерть. Но этой железной, да и к тому же насквозь проспиртованной бабище все было сполгоря: хоть бы лишний раз чихнула! При встрече муж и жена, после кратких и весьма ласковых приветствий, быстро переходили к пререканиям, от пререканий — к драке. Побеждал в продолжительном бою в конце концов, разумеется, Тимофей, — все-таки мужчина! — но не без труда и урона, потому что Ульяна была не по-женски сильна и в драке зверела,

так что надо было ее связывать. Вся обычная последовательность супружеского свидания повторилась и сегодня утром, о чем выразительно свидетельствовали царапины на лице Тимофея и подбитый глаз. Тимофей продержал жену связанною больше трех часов, покуда она утомилась ругаться, заснула, выпалась и, проснувшись, взмолилась о помиловании. Тимофей явил великодушие и развязал Ульяну, за что в благодарность та немедленно плюнула ему в глаза. Драка имела все данные возобновиться, но Тимофей, как опытный стратег, сообразил, что, покуда связанная Ульяна спала и отдыхала, он три часа работал во дворе, не покладая рук, и, следовательно, со свежими силами врага ему, утомленному, не сладить. И, осторожный, как Куропаткин [1], он благородно ретировался к сетям своим на Енисей, оставив за торжествующею Ульяною поле сражения и фортецию заимки.

Ульяна воспользовалась своею победою прежде всего за тем, чтобы разыскать имеющуюся в хате бутылку спирту, которую и осушила по-сибирски — чайною чашкой. Алкоголь умягчил ее бранное сердце и располо-

жил мириться с мужем. К тому же на заимке ни души не было, и пьяной бабе стало скучно. Одним словом, каковы бы ни были намерения Ульяны, мирные или воинственные, но Тимофей, около обеденного часа, увидел из своего «котла», что жена взбирается к нему в убежище крутою тропинкою по обрыву над Енисеем. Ульяна едва держалась на ногах, качалась, шаталась, падала на четвереньки, ползла. Тимофей пришел в ужас: он знал, что тропа узкая, неверная, осыпчатая, по ней и трезвому-то пройти не шутка. И не успел он крикнуть Ульяне, чтобы та остереглась, как несчастная баба и в самом деле оступилась и полетела, перекувыркнувшись в воздухе, вниз, а за нею грянул целый обвал слоистой выветренной породы.

Тимофей, едва помня себя от ужаса, бросился на помощь к жене. Она лежала близ самого Енисея, на гальке, полузасыпанная, неподвижная. Пока мужик добрался к ней через сыпучую дыру, которую сделал в тропинке обвал, прошло довольно времени. Бледная синева лица, оскал зубов и лужа крови вокруг холодеющего тела выразительно сказали Ти-

мофею, что он овдовел.

Тимофею нисколько не жаль было Ульяны, но он был потрясен внезапностью катастрофы и, кроме того, струсил. Не покойницы струсил, но — что засудят. Мужик он был неглупый и сразу смекнул, что в несчастный случай тут начальство плохо поверит. О скверных отношениях Тимофея с женою было известно далеко в околотке. Заглянул Тимофей в лужицу, наплесканную Енисеем между галькою: вода показала ему курносое лицо, исковерканное смущением и страхом, а что хуже всего, избитое и исцарапанное так усердно, что не у всякого настоящего убийцы бывает. Худо!

Одна надежда, что никто не видал. Кругом пустыня. До ближайшего жилья — села Прощи — семь верст. Спустить Ульяну, хорошенько загрузив крупною галькою, в Енисей, и концы в воду. Но тут Тимофей сообразил, что Ульяна прошла ряд сел, в которых ее знали. Значит, известно, что она находится у мужа. Значит, не сегодня завтра узнается, что Ульяна пропала с заимки невесть куда. Значит, явится спрос к Тимофею: куда девал жену? А

Енисей — река сумасшедшая: не груженое он грузит, а груженое разгружает. Каких камней ни навести на покойницу, это похороны неверные, — течение очень может развязать труп и выбросить его где-нибудь на мель, в протоке.

Покуда Тимофей горевал и раздумывал, к заимке, со стороны ближнего села, подходил человек. Был он богатырского роста, в грубом пиджаке домотканого сукна, штаны засучены в высокие сапоги. Из-под московского картуза глядели глаза орлиные — суровые, смелые и зоркие. Сивые усы, сивая борода. Звали этого человека... впрочем, все равно, как его звали, а кличка ему в округе была Потап. Был он старый политический ссыльный — бомбист, отбывший долгую каторгу и поселение и потом брошенный под гласный надзор в степное село. Жил на Проще много лет, омужичился, стал хозяином и, как часто бывает с поднадзорными властного ума и характера, если они попадают в очень глухое захолустье, сделался человеком, необходимым для крестьянства, — своего рода моральным начальством, которое иной раз повлиятельнее начальства

коронного.

Тимофей зазрил Потапа издали на буграх. Сперва испугался, потом обрадовался. Потап был как раз человек, подходящий Тимофею для помощи и совета. Что Потап поверит ему и не подумает, будто он убил Ульяну, Тимофей не сомневался.

Потап поверил. Положение трупа, характер ушибов и ран на теле Ульяны убедили старика, что Тимофей говорит правду. Сомнения и страхи Тимофея он тоже понял очень хорошо. Без вины разорят и засудят.

— Прежде всего «это» надо зарыть.

Подняли мужчины мертвую Ульяну и перенесли ее на заимку, во двор. Там Потап приказал Тимофею разметать огромную кучу назема и на расчищенном месте рыть яму. Делалось так затем, что под наземом земля талая, рыхлая, и легче, скорее берет ее заступ. Ведь по Енисею и летом, уже на аршин вглубь, почва промерзлая, что камень, хоть разбивай ее ломом и руби топором. А стояло не лето уже, ранняя осень: дни бежали к Покрову. Работали часа два. К вечеру тело Ульяны навсегда исчезло от глаз мира сего в глубокой яме,

плотно засыпанной песком. Поверх песка мужчины снова навалили бугор назема.

— Теперь, — сказал Потап, — сядем да померекаем, как избывать беду твою дальше. Я так полагаю, Тимофей, что оставаться на заимке тебе никак нельзя.

— Страшно, Потап Ильич, — сознался Тимофей. — Хотя баба была самая лядащая и никакой вины моей в ее смерти нету, а все же...

— Разумеется. Кому приятно жить одному в пустыне и труп под ногами чувствовать? Но, помимо того опасно, что родня, знакомцы, начальство вскоре хватятся твоей Ульяны, начнут ее искать. А перед следствием и допросом, — я тебя знаю, — ты спасуешь... ну, и готов черту баран: ни за что ни про что Сахалинахватишь... Надо тебе уехать, друг любезный. Уезжай.

— Я бы с радостью, Потап Ильич, только боязно: не подать бы на себя еще большего подозрения? Скажут люди: что за диковина? Пришла к Тимофею жена и как в воду канула, а сам Тимофей ускакал невесть куда, будто оглашенный? Это не иначе, что он ее извел да бежал...

— Да, — спокойно возразил Потап, — ты совершенно прав. Бежать одному, без жены, я тебе не посоветую: прямая улика, — накроют. Но тебе следует не одному бежать, а именно вдвоем с женою.

— То есть как же это с женою, Потап Ильич?

— Так, с женою, с Ульяною.

— Позвольте, Потап Ильич? Мне невдомек. Ослышался я, что ли, или плохо вас понял? А зарывали-то мы с вами сейчас кого же?

— Ульяну зарывали.

— Ну?

— Чудак! Ульяну зарыли, а паспорт от нее небось цел остался? Нешто не знаешь, что на Руси человек состоит из души, тела и паспорта? Теперь — покуда не станет известно, что Ульяны твоей больше нет на свете, — которой женщине ты дашь паспорт Ульяны, та и будет Ульяною... Понял?

— Однако понял, — протяжно сказал Тимофей.

— Покуда ты назем ворочал, я твое дело обмозговал. Слушай: тебе совсем не «бежать» надо, а просто уехать, открыто уехать, у всех

на вести, ну, в Красноярск, что ли, скажись, будто за покупками... И дам я тебе в попутчицы одну женщину... то есть девушку... Она из наших, политических, только в политику-то совсем не по характеру своему попала, а больше как кур во щи... Тоскует здесь ужасно, а слана на пять лет. Человек хороший, но воли большой в себе не имеет, страдать и терпеть неохоча, да и не понимает хорошо-то, за что терпит. Вообще лишняя она здесь. Я давно уже порешил устроить ей побег при первой же возможности. И если ты согласишься, то счастливее случая найти нельзя. По приметам она с Ульяною сходится. Ты ее знаешь: это — Лиза Басова. Моложе покойницы немножко, да это пустяки, сойдет. Вся твоя обязанность, стало быть, сводится к тому, что ты увезешь ее из наших мест, как будто бы свою жену, и доставишь, куда мы тебе назначим. А затем, пожалуй, хоть и домой возвращайся, на заимку. Скажешь людям, что жена поступила служить к господам, на место, в Красноярске или Томске. Можно, пожалуй, и паспорт ее там прописать. А то просто жалуйся, что, мол, запила, бросила меня в губер-

нии... Все знают, какая шалая и непостоянная была твоя Ульяна. И если ты все это исполнишь, то не только спасешь себя от всякой опасности, но еще и доброе дело сделаешь и заработаешь рублей пятьдесят, даже сто. У Лизы есть маленькие деньжонки, да и я согласен помочь. И заранее говорю тебе: этой твоей услуги я, пока буду жить, тебе не забуду.

Тимофей очень задумался. План Потапа казался ему прост и ясен. Если и было что трудное к выполнению, то разве вначале: как провезти Лизу Басову под именем Ульяны по тем деревням и селам, где Ульяну знают в лицо? Но, сообразив расстояние и свои знакомства, Тимофей высчитал, что последний пункт по тракту, опасный ему в этом отношении, находится верстах в 50 — станок Кошмино: у Ульяны была выдана туда замуж старшая сестра. Дальше Кошмина Ульяна никогда не бывала. На доброй паре сытых сибирских степных коньков Тимофей рассчитывал сделать этот перегон в ночное время, выехать с вечера, покормить коней «на степу», в дороге, и так приноровить, чтобы к свету очутиться

уже далеко за Кошминым.

— Если опозднимся, ободняет, то дам крюку по степи, объеду Кошмино стороною... Ничего! можно! Вот только, Потап Ильич, не было бы за вашей барышнею погони от начальства?

— За три дня я тебе ручаюсь, что не будет. А может быть, и четыре, и все пять дней, даже неделя пройдет, покуда ее хватятся... Это то нам устроить всего легче. И сами целы будем, и добрых людей не подведем. А за пять ден вы будете уже верстах в пятистах, если не больше. Да раз всем будет известно, что ты уехал со своею женою, какое же у кого может быть на тебя подозрение.

В таких соображениях и переговорах провели они — Потап с Тимофеем — целую ночь, а наутро окончательно ударили по рукам, решились и принялись действовать.

Побегу Лизы Басовой было назначено быть трое суток спустя. За это время Тимофей нарочно то и дело показывался на Проще всем, в том числе и помощнику станового, говорил о своей скорой поездке в Красноярск, будто хозяин-купец вызывает к себе по торговому

делу, рассказывал, что жена к нему возвратилась, и жаловался, что никакого терпения с нею не станет, — так безобразно пьет и буянит.

— Одно оставить невозможно: боюсь, займку сожжет; мне перед отъездом хлопот, забот выше головы, а отлучиться от дома не смею. Спасибо Потапу, что заходит присмотреть. Только в то время я и свободен.

— Ты бы ее, однако, полечил? — советовали ему.

— И то в Красноярск с собою везу, — лекарь там, сказывают, чудотворный проявился, хорошо пользуется от запоя травами. Хотя большой надежды не имею, однако авось! Этакая обуза и убыток, а нечего делать, везу. Да и все равно: как ее, проклятую, одное дома оставить? Она займку сожжет. Вона — смотрите, как мне рожу-то обработала!

Некоторые любопытные кумушки сунулись было на займку посмотреть, как пьет и безобразит Тимофеева молодуха, но наткнулись там на сумрачную и грозную фигуру Потапа, который вытурил их без церемонии:

— Нечего, нечего хвосты трепать, о чужом

сраме любопытствовать. Когда вытрезвим Ульяну, тогда милости прошу, а представленный делать из пьяного человека не позволю: стыдно вам, тетки.

Потапа боялись, — кумушки ушли, не солоно хлебав, а легенда о беспросыпном запое Ульяны еще более окрепла, выросла и покатилась от хаты к хате.

Что касается Лизы Басовой, ее побег был обставлен очень просто. В назначенный день она обратилась к помощнику станового с просьбой об отлучке на три дня в соседнее село, верст за восемнадцать, к знакомой попадье. Отлучки эти разрешались ей уже не раз, — у полиции Басова была на счету «смирной» и выигрывала тем маленькие побрякушки. Да и вообще ссылка в сибирском селе только скучна ужасно, и для людей, ве имеющих своих средств, голодна; в рассуждении же общего «прижима», она, пожалуй, легче городской: начальства меньше, и калибром оно мельче. Помощник станового совершенно спокойно разрешил Басовой навестить попадью, а Басова, тоже совершенно спокойно, отойдя версты две за поскотину, спустилась в

балку, где ждал ее Потап с платьем, которое должно было превратить Лизу в Ульяну. Платье Лизы Потап зарыл тут же в балке и камнем завалил. Падали сумерки, когда, окружив село по степи, они вдвоем спустились к Тимофеевой заимке. А полчаса спустя затарахтела по тракту кибитка, унося двоих путников. Проехать пришлось через все село, почти двухверстную Прощу, — на том настоял Потап. Слыша грохот колес, глядели люди в окна и говорили:

— Хурлянков в губернию покатыл: жену от пьянства лечить... Ишь, шельма, до чего себя довела: даже сидеть в кибитке не может... колодою лежит... Ай-ай-ай! Однако и бабы же пошли ноне.

Помощник станового тоже смотрел в окно и тоже жалел Тимофея и ругательски ругал его пьяницу-жену. Лиза Басова кончила свою ссылку!

Лиза Басова, так романически бежавшая из ссылки в селе Проще, — прав был Потап, — попала в революцию действительно «как кур во щи», — совсем нечаянно и, пожалуй что, почти не ко двору. Была она москвичка (не городская — из уезда), происходила из духовного звания, училась в московском Филаретовском училище, курса не кончила, по неприятностям с начальницею, и семнадцати лет поступила продавщицею в игрушечный магазин. В качестве сироты жила у тетенки, которая весьма строго наблюдала за ее нравственностью, но обращалась с нею как с прислугою. Да и приходилось в самом деле помогать прислуге. Тетенька держала на Бронной студенческие меблированные комнаты с столовою, пансионеры к ней валили валом, потому что дама была довольно добро-совестная: кормила дешево и почти съедобно. Со студенчеством весело, — Лиза своею полуприслужническою ролью не тяготилась. Дело у тетенки процветало и росло, а сама тетенька старела и болела. Лизе пришлось бросить

магазин и превратиться в экономку мебелированных комнат. Окруженная студентами, она ловила от них кое-какие «идеи времени», но, правду сказать, была слишком неразвита, чтобы сознательно усвоить, а развиваться было некогда: с утра до вечера кипела в хозяйстве, как в котле. Из себя девушка была не то чтобы уж очень красивая, но — пресимпатичной миловидности, рослая, статная, дышащая здоровьем и силою. Темпераментом природа наградила ее холодным, к влюбчивости не расположенным, а для дружбы и товарищества весьма приспособленным. Поэтому студенчество очень уважало и любило Лизу Басову, несмотря на ее простоту и почти темноту, и даже ревниво берегло ее от чересчур предприимчивых развивателей. Таким образом, досуществовала Лиза Басова до двадцать второго года жизни, не выйдя замуж и не имев романа, — просто «добрым товарищем» и «хорошею девкою». С своей стороны она почти суеверно обожала студенчество, как некую высшую силу, инстинктивно, именно только за то уже, что оно студенчество, и не понимала, но глубоко уважала на веру реши-

тельно всякую «революцию», потому что огромное большинство студенчества, у нее квартирующего и столующегося, было революционно. Она знала кое-что по слуху — например, что у одних — «пролетарии всех стран, соединяйтесь», а у других — «в борьбе обретешь ты право свое». Какая разница между теми и другими, это оставалось выше понимания Лизы, но она одинаково сочувствовала тем и другим, трепетала за тех и других, вместе с теми и другими ненавидела полицию, опасалась и подозревала шпионов и, в случае надобности, очень могла за тех и других собою пожертвовать. Ну, и случай представился. Был обыск в меблированных комнатах, искали шрифт — и ничего не нашли. Присутствуя при обыске, за хозяйку, Лиза Басова заметила скромный тючок, до которого полицейское внимание еще не достигло. Она хорошо знала, что тючок — с только что отпечатанными прокламациями более чем энергического призыва. Тогда Лиза Басова тючок очень ловко скрыла и вынесла в прачечную. Жандармы удалились с пустыми руками, забрав на всякий случай двух обысканных сту-

дентов. Но назавтра они возвратились уже за Лизой Басовой: номерная горничная подметила ее проделку и нашла выгодным донести. В тюрьме Басова вела себя опять-таки не героиней какою-нибудь, но с достоинством, «хорошею девкою»: никому ни словом не повредила, ни в чем не обмолвилась, а, не надеясь на свою изворотливость, больше отмалчивалась: знать не знаю, ведать не ведаю. Арестованные студенты, искренно жалея Лизу, усердно и постоянно заявляли на допросах, что Басова в их деле — ни при чем, человек не партийный и ровно ничего революционного они ей не открывали и не доверяли. Мудрое начальство и само видело с ясностью, что треплет совсем непричастного человека, но — за молчанку, в которой «упорствовала» Басова, — на всякий случай — швырнуло ее в порядке административной ссылки в Восточную Сибирь, на Енисей, в Процу.

Потап немножко слукавил, когда уверял Тимофея, что ему хочется сбыть Басову из Проци только потому лишь, что девушка очень тоскует.

Что Лиза умирала в Проце от тоски по Рос-

сии — это правда, но кто же не тоскует в административной ссылке? А бегут, однако, весьма редкие. Больше того, еще недавно было время, когда подобные побегии, тем более от определенного срока, считались в ссылке в среде почти неприличными и вредными, потому что отзывались на остающихся товарищах лишением льгот по свободному жительству и разными мстительными притеснениями «по закону». Я испытал это на самом себе. В Минусинске я очень дружил с местными татарами. Они два раза предлагали мне выкрасть меня и переправить, через Саяны, в Китай.

— Только скажи — сам не услышишь, как очутишься в Сойотии.

Соблазн был огромный, а риска почти никакого. Но посоветовался я с одним милым человеком, другом всех политических, и отказался.

— Потому что, — говорит, — пять лет ссылки не такой уж безнадежный срок, чтобы его не вытерпеть. Тем более что средства у вас есть, живете сыто. А если вы сбежите, то местные власти получат еще небывалую нахло-

бучку от верхнего начальства: вы ведь человек нашумевший и на особом положении. И нахлобучка эта целиком выместится на остальных политических, из них здесь тогда последнюю кровь выпьют.

Таким образом, если срочный ссыльный бежит, то обыкновенно не для личного благополучия, а вытребованный «делом». Дело было дано и Лизе Басовой. Оно висело у нее на шее, вместе с крестом и образками (это уж на случай обыска, для полного грима «мещанки Ульяны Курлянской»), зашитое в ладанку, в виде бумажки, мелко исписанной цифровым шифром. Бумажку Лиза должна была передать товарищу в маленьком уездном городе Пермской губернии. С товарищем этим она была незнакома, и что в бумажке значилось, было ей неизвестно. Посыл свой Потапу давно хотелось отправить, но не имелось подходящего гонца. В Лизе Басовой он угадал одну из тех пассивно-решительных женских натур, которые созданы для революционной дисциплины, с нерассуждающею исполнительностью, способною доходить до самопожертвований почти баснословных. В конце

семидесятых годов был случай, что подобная «рядовая» революции, командированная Желябовым[2] из Петербурга в Москву, по приезде — ночью в гостинице — была застигнута преждевременными родами, на восьмом месяце беременности. Она имела геройство выдержать ужаснейшие боли, даже не пикнув, так что и ближайшие соседи ничего не слышали и не подозревали. Ребенок родился мертвый. Женщина уничтожила трупик в печке, прибрала и вычистила свой номер, а поутру как ни в чем не бывало поехала шнырять по поручению, бесконечно трясясь по ужасным мостовым и конкам. Исполнила, что велено, и в тот же день отбыла обратно в Петербург. И только тут уже, окончив миссию и дав по ней отчет, свалилась, полумертвая, и выдержала долгу, тяжкую болезнь.

Тимофей Курлянков и Лиза Басова находились в пути уже седьмой день. Так как они передвигались не перекладными, а собственно Тимофеевой парочкой, то отдалялись от Прощи гораздо медленнее, чем могли бы, но Тимофей почитал, что так вернее. Вопросы о возможности погони, ареста и неприятных

встреч беглецы волновались только в первый день, который — покуда не смерклось — Лиза сплошь пролежала в кибитке ничком, притворяясь спящей или пьяною. Но вот переехали за Енисей, очутились в другом округе, степь переименовала название, — беглецы приободрились: сзади выиграно большое расстояние, впереди — никакой опасности, значит, поезжай, не поторапливай, понапрасну коней не мучь! Тем не менее к седьмому дню странствия кони сильно сморились и обили копыта. Тимофей решил выменять их на первом же базаре, который будет по пути, хотя бы и с малою приплатою, на свежую животину. В России мена конем, продажа или покупка лошади для крестьянина — жизненный вопрос первой важности, а в степной Сибири конь — это своего рода живой денежный знак, четвероногая, ходячая, если не из рук в руки, то со двора во двор, оборотная монета. На третий день Тимофей оставил красноярский тракт и свернул на запад, взяв новую степную дорогу — «на Расею».

Ехать день за днем, осеннею степью, уставленною могильниками исчезнувших наро-

дов, которых и имена-то история забыла, — невеселое занятие. Встречников путники имели вряд ли двух или трех, считая от станка к станку, на расстоянии тридцати и более верст, а то и совсем никого. Лиза от скуки старалась как можно больше спать и засыпалась до одурения. Проснется: пара коней трусит мелкою рысцей, бубенцы звенят, будто медные собачки лают, мерно и жалобно; серое небо, серая степь и — каменные круги могильников на горизонте... Стоило просыпаться! Только и развлечения, что паромы через могучие степные реки, самовар да заедки на станках у «дружков» и ночлеги в неопрятных избах, с любопытными хозяйками, дымящими керосиновыми лампочками и угарными печами...

Тимофеем Лиза была очень довольна. Потап не ошибся, поручив ему девушку. Мужик оказался вежливый, «знающий свое место», услужливый, не наянливый. Был от природы неглуп и за сорок пять лет жизни повидал и узнал немало любопытного, как всякий работающий и торговый сибирский человек. Долгое путешествие на лошадях вдвоем, мужчины и

женщины, — дело фамильярное, особенно в условиях, если они должны слыть за мужа и жену и выдерживать эти роли пред чужими людьми. Развивается невольное общение, устанавливается известная короткость, упраздняются или сокращаются разные мелкие физиологические секреты и условные лжи быта. Таким сближением недолго злоупотребить, не мудрено в нем зазнаться мужчине, особенно когда он сознает, что женщина — вся в его руках и кругом от него зависит. Но Лиза не могла нахвалиться скромностью и почтительностью своего фиктивного супруга. С самого начала пути было решено между ними, — во избежание обмолвок пред посторонними, — говорить друг другу «ты» даже и наедине, и совершенно позабыть, что Лиза — Елизавета Прокофьевна, а не Ульяна Дмитриевна. На станках, ночлегах и при дорожных встречах Лиза играла свою нетрудную роль молодой городской мещанки очень удовлетворительно. Пьяницею ей уже не надо было притворяться, как скоро они покинули круг «своих мест».

— Эх, сударыня! — с искренностью говорил

ей Тимофей. — Кабы Ульяна хоть мало была на тебя похожа, то не радовался бы я теперь тому, что она в землю легла.

На ночлегах он очень искусно и деликатно покидал «жену» свою в хате с хозяйскими бабами, а сам удалялся спать в кибитку, отговариваясь, будто не любит спать в тепле. Осень, на его счастье, стояла погожая и еще без морозов.

К концу недели дорога изрядно изломала и коней и путников. Чувствуя себя в совершенной безопасности, они решили передохнуть день-другой, чтобы ехать дальше со свежими силами и на свежих вымепенных конях. Впереди было огромное торговое село, Дагна. Въехав в него, как раз на самый Покров[3], путешественники застали и базарный день, и престольный праздник.

Кому не известно, что «батюшка Покров» — всероссийская годовая эра крестьянских свадеб? Но мало кому «в России» известно, что такое сибирская крестьянская свадьба в хлебных округах подсаянских и подалтайских благодатных степей. Вернее, впрочем, сказать надо, — чем была там крестьянская

свадьба — и была еще очень недавно, лет десять тому назад, к какой именно давности и относится странствие Лизы Басовой. В настоящее время обеднение коснулось и этих молочных рек с кисельными берегами — Минусинского, Абаканского, Кузнецкого края. Неурожай, переселенчество, земельные ограничения заставили пооскудевших чалдонов укротить размах старинного веселья. И все же, даже и теперь, в хлебные годы, это — былинный пир на весь мир, продолжающийся не менее недели, с воистину гомерическим разгулом, с непросыпными попойками. Плохая крестьянская свадьба в Кузнецком округе обходится в 400 руб., средняя — в 1000 руб., порядочная — в 1400 руб., богатая, о которой потом целый год молва гулом идет по степям, — до 4000 руб.! И, собственно, свадебные, прямые расходы составляют не более 10–20 % этих сумм: остальное пропивается. На каждого гостя своего — поезжанина — хозяин отпускает не менее 1 1/2 бутылки водки в день, на каждую гостью — не менее 1/2 бутылки, не считая «прочего». Разорительность свадебного обычая и пьяная утомительность его на-

столько велики, что даже чалдоны-толстосумы кряхтят под этой тяжестью, да и народ со всем дуреет от гулянки. Один сельский богатей под Красноярском думал выдать дочь замуж после Покрова. Вдруг является к нему депутация односельчан.

— Батюшка, Иннокентий Фомич, не будет ли твоей к нам милости — отложить свадебку на зимний мясоед?

— А вам что?

— Да, кроме твоей, три свадьбы у нас на селе...

— Ну?

— Не выдержим, однако, — сопьемся.

Там, где предвидится ряд богатых свадеб, хозяева уговариваются об их сроках и очереди, чтобы не совпадали. Это создает, на срок мясоеда, своего рода заколдованный свадебный круг, попав в который не легко выкрутиться. Сибиряки вообще мало стесняются расстоянием: сделать сотню, другую, третью на лошадях — у них и путешествием не считается, — деловая или увеселительная поездка. На богатые и многообещающие свадьбы гости приглашаются и сами приезжают ино-

гда из-за пятисот, даже из-за тысячи верст. Присутствие таких редких и издалека гостей, конечно, затягивает срок и усиливает напряжение свадебного разгула. Приедет человек кутнуть на одной свадьбе, а гуляет на трех, четырех и больше. Есть любители кружить по свадьбам, которые в том и проводят осенний и зимний мясоеды, что катаются от села к селу, со свадьбы на свадьбу на телегах или санях, обвешанных цветными платками, и пьянствуют изо дня в день на чужой счет. Но есть и несчастные, которые поработаются той же участи совсем не по своему доброму желанию, а потому что они — почетные гости, уважаемые люди, и отпроситься или бежать от кошмарных пиров этих — для них значит жестоко оскорбить хозяев и нажить себе злопамятных врагов на всю жизнь. И, наконец, весьма многие сибиряки, вполне искренно ругавшие и проклинавшие безобразие свадебного обычая, признавались мне, однако, что есть в его пьяном, длительном вихре своеобразная затягивающая сила — создается в целой группе людей то, что на юридическом языке называется «привычкой к

праздной и порочной жизни», будто какой-то стихийный и массовый запой. Декадент назвал бы это «оргиазмом»[4], а я думаю, что дело тут просто в хроническом алкогольном отравлении.

Едва въехали в село Дагну, Тимофей был окликнут рослым мужиком, нарядным, как купец, и здорово выпившим. Сперва путники струсили было, но, взглядевшись, Тимофей признал в мужике мелкого золотопромышленника Миронова, с которым вместе «старательствовал» когда-то за Байкалом. Тому прошло уже лет пятнадцать, с тех пор товарищи не видались и вестей друг о друге не имели. Ульяны Миронов не видывал и, что была или есть такая на свете, не знавал. Следовательно, опасности от него Лизе не предвиделось. Обрадовался старому товарищу Миронов, настоял, чтобы заезжали к нему во двор, и — как ты хошь, что ты хошь, однако ты у меня погости.

Напрасно Тимофей и Лиза настаивали и отговаривались, что нельзя — очень спешат, и далеко еще им путь держать: на самый Барнаул. Миронов только кланялся в пояс да по-

вторял умиленным басом:

— Не обессудь! Уважь! Погости... Уж так мы тебе рады, так тебе рады... Господи! Я тебя, может быть, сколько годов в мертвых почитал?! Однако вдруг вижу: едет... И — супружница с ним... Ах ты! Ах ты!.. Не обессудь! Уважь! Погости!

— Душою бы рады, Василий Мироныч, но спешаем в Барнаул...

— Что тебе в Барнауле делать? Барнаул так Барнаулом и останется, с места не уйдет. У меня погости! Ты, друг, посмотри, как живу... чаша полная!.. царю завидно!.. Господи! Небось дружками были, камратами звались, из одного котла кашу ели, из одной бутылки спирт глотали... Чтобы все вместе, значит, и на земле и под землею... И вдруг, однако, вижу: едет... И супружницу с собою везет, — эдакую добыл кралю писаную... Ах ты! Ах ты!.. Как же нам с тобою, по всему этому случаю, однако, теперь не выпить! Тимофей Степанович! Ульяна Митревна! Уважь! Погости!

Он кланялся сам, заставляя кланяться жену, детей, работницу, работника.

— Что же, Ульяна Митревна? — нерешит-

тельно обратился Тимофей к «жене». — Ведь мы все равно хотели на день-другой себе роздых дать... Так лучше, может, и впрямь погостить у Василия Мироновича, ничем у чужих людей?

Лиза помолчала, подумала. Она чувствовала себя страшно усталою с дороги. Все кости болели.

— Хорошо, я согласна. Ваши гости, Василий Миронович, только уж — заранее уговор, хозяюшко милый: больше трех ден вы нас у себя не задерживайте.

— Ульяна Митревна! Сударыня ты моя! — возопил Миронов. — О чем твои ко мне слова? Напрасные твои ко мне слова! Да ты только проживи у нас три дня-то, — так ты и Барнаул свой, и все на свете забудешь, с нами не расстанешься... Вот какие мы люди, сударыня моя!.. Опять же теперь свадьба у нас наладилась: однако племянницу из своего дома выдаю за хорошего молодца: купец-парень! — в Плющу, село, за нами будет сорок верст... слышали аль нет? Как же мне, сударыня, теперь возможно отпустить тебя, хотя бы и в Барнаул? Ты у меня на свадьбе первый человек бу-

дешь... Уважь! Погости! Не обессудь!..

Таким-то манером попали наши путники в сибирский свадебный смерч. И начал он их с того дня шатать и мотать — от Василия Миронова к Мирону Васильеву, из Дагны в Плющу, из Плющи в Дагну. И благодаря тому, что вся Дагна видела, как высоко чтит и ценит Тимофея Курлянкова и супругу его, Ульяну Митревну, Василий Миронов, первый на Дагне, а пожалуй что и по всей прилегающей округе, человек, — только и слышали теперь путники со всех сторон, что:

— Не обессудь! Уважь! Погости...

Или — как в Сибири хозяйская формула предлагает:

— Поелозьте, поелозьте,
Милы гости!

На что порядочный гость должен, по этикету, отвечать с учтивостью:

— *То и знаем,
Надвигаем,
То и знаем,
Надвигаем,
Наелостились!..*

Прошло три дня. Прошла неделя. Прошло

десять дней. Прошло две недели. Тимофей и Лиза были, правда, уже не в Дагне и даже не в Плюще, а в какой-то Опустоши, но Опустошь, как две капли воды, походила и на Дагну и на Плющу, и был с ними тот же Мирон Васильев, и был тот же Василий Миронов, и шло кругом все то же — одно на одно, вино на вино.

Как в Дагне, Плюще — потом в чем-то еще — потом в Опустоши, Тимофей и Лиза, по почину Василия Миронова, всюду оказывались самыми почетными гостями. Их больше всех и чуть не первыми после родителей потчевали, усерднее всех угощали и отводили им лучшую свободную каморку для ночевки. В разыгрывании супружеской комедии прибавился новый, неприятный и щекотливый момент. Но Тимофей опять-таки показал себя молодцом и настоящим рыцарем. Он каждый вечер очень ловко умел задержаться и заговориться с кем-либо, в момент отхода ко сну, чтобы дать «жене» время свободно раздеться и улечься в постель под одеяло. А сам затем, проникая в «супружескую» камору, целомудренно тушил ночник и свертывался калачиком, не раздеваясь, на каком-нибудь сундуке,

лежанке, либо просто на полу, сунув под себя армяк, а под голову шапку. Поутру он столь же скромно и деликатно удалялся, якобы «до ветра», — чтобы освободить Лизе срок спокойно одеться и привести себя в дневной порядок. Но потом, выждав достаточно времени, непременно возвращался, и тогда уже он Лизу настойчиво просил удалиться из комнаты. Как-то раз, забыв что-то, она — только что вышла — сейчас же возвратилась и застала Тимофея валяющимся с усердным и деловитым видом, точно он обязанность исполняет, на ее, едва покинутой, постели.

— Что ты, Тимофей Степанович? Ты еще спать намерен? — изумилась Лиза: было уже около шести часов утра, и все село встало на ноги.

— Не... я, однако, так...

Тимофей сконфузился.

— Зачем же?

Тимофей сконфузился еще больше:

— Для людей...

Лиза поняла: Тимофей старался придать их «супружескому» ложу «естественный» вид, будто на нем спали два тела, а не одно...

— Ты меня, Ульяна Митревна, извини, пожалуйста, — виновато оправдывался Тимофей, — однако, понимаешь, я ведь не дурное что мыслю, а для тебя же стараюсь... Как мы, значит, супругами считаемся... пред людьми. Этому, хоть всю Сибирь обойди, никто не поверит, чтобы муж с женой врозь спали... Ну, и того... оберегаю, значит, твою честь и свою амбицию... Стараюсь так для тебя устроить, чтобы все к лучшему... для надлежащего вида. А то засмеют... тебя за распутную, меня за дурака почитать станут... Да и подозрения опасаясь... Ты не обижайся: однако ничего...

Лиза вспыхнула, но обижаться было не на что: наоборот, скорее она могла лишь быть и действительно была тронута такою заботливою предупредительностью «супруга». Вообще — и в оседлом состоянии, как в кочевом, — учтивый, сообразительный и трезвый Тимофей менее всего затруднял ей супружескую комедию. Гораздо щекотливее для Лизы была свадебная среда, в которой они, с раннего утра до поздней ночи, обращались.

Некогда Ганнибал[5] зазимовал в Капуе и — твердят все учебники истории для младшего и среднего возраста — тем самым погубил весь свой итальянский поход, ибо в изнеженной среде капуанского обывательства суровые карфагенские воины изленились и, с позволения сказать, обабилась. Нечто вроде капуанского упадка энергии переживали и прощенские беглецы — Тимофей Курлянков и Лиза Басова — в свадебном вихре, крутившем их по Дагнам, Плющам и Опустошам. Долго напряженные нервы не выдержали. Заговорила потребность реакции. Сказалась огромная усталость физическая и нравственная, жажда сна, отдыха, покоя, животного прозябания. Только очутившись в полной безопасности, истомленный и потрясенный необычными впечатлениями и сверхсильными напряжениями энергии, организм оценивал самочувствием, как много он пережил и утратил в короткий срок, и настойчиво просил восстановить свою потерю. Каждое утро свое Лиза начинала угрызениями совести, что по-

ра ехать дальше, но с тайною в глубине души надеждою: авось что-нибудь помешает, — и еще день, два будут длиться и сон в тепле, на мягкой постели, и люди кругом, и чистая пища, а не серая степь, серое небо, могильники, звяканье бубенцов и дорога, дорога — холодная сибирская дорога без конца. Когда человек сам не прочь встретить помеху к своей цели, помехи находятся очень легко и принимаются очень покорно.

— Ну что за беда, в конце концов? — рассуждала Лиза. — Бегство мое уже совершившийся факт, а в этом, — думала она о своей ладанке на груди с зашитой запискою, — Потап не связал меня никаким сроком. Еще даже неизвестно, найду ли я в Нске этого товарища... Быть может, его давно перевели...

Что касается Тимофея, лишь бы Лиза не торопила, а он готов был плавать в свадебной атмосфере, как рыба в воде. Было тепло, сытно, почетно, работать не приходилось, деньги лежали в кошельке целые, непочатые: гуляй — не хочу на чужой счет, — чего еще желать? куда гнать? Над ними не каплет! Не каждый год выпадает человеку такая нечаянная бла-

годать! Уж куда ни шло, пробесимся мясоед, а дорогу оставим на филипповский пост.

Тимофею заметно хотелось тянуть путешествие. Сперва было условлено, что он проводит Лизу только до Барнаула, а там сдаст ее знакомому Потапа, полуинтеллигентному купцу-сочувственнику, который уже позаботится переправить беглянку дальше на Кайинск или на Курган, куда в то время дошла железная дорога. Но в пути беглецы услышали наверное, что Потапова купца-сочувственника в Барнауле нет — уехал в Петербург и вряд ли будет назад даже к новому году. Это известие совершенно изменило и планы и маршрут путников. Им уже не для чего стало уклоняться так далеко на запад.

Тимофей предлагал теперь просто подняться на север к таежной полосе и затем катить в Россию, как все добрые люди в то время ездили, напрямиком — по большому Иркутскому тракту. Новая путина предстояла тоже огромнейшая, но все же короче прежде намеченной дуги — верст на 600. Чтобы осуществить ее легче и с меньшею потерей времени, следовало подождать, покуда кончится

осенняя распутица и станут реки. А то ведь известное дело, что в Сибири, когда морозов нет, путешественник не столько дорогою едет, сколько выжидает паромов.

Лень двинуться из уюта в степь сделала новый проект этот очень соблазнительным и для Лизы.

— Хорошо, Тимофей, я согласна. Мне безразлично, каким трактом ехать и куда именно выехать — лишь бы к России ближе. Но мне за тебя совестно: ты, таким образом, очень отдаляешься от Храповицка, тебе трудно будет возвращаться.

— А я, Ульяна Митревна, в Храповицк-от, может быть, еще и не возвращусь.

— Как? А заимка твоя?

— За заимкою Потап Ильич покуда приглядит, а потом хозяину письмо пошлю, он другого приказчика поставит. Бог с нею. Мне о заимке и вспоминать противно после того случая. Не жилец я больше на заимке. Я человек чувствительный. Там теперь вся земля покойницею пропитана. Как я по ней ходить буду? Подошвы сожжет.

— Где же ты, в таком случае, намерен посе-

литься и чем займешься?

— А где? Доставлю тебя до Расеи и сам в Расее останусь. Деньжонки у меня есть, руки — не хвалясь скажу тебе — золотые: к какому делу меня ни приткни, к промышленному ли, к торговому ли — нигде не ударю в грязь лицом. В Сибири пожито, попробуем счастья, как в Расее люди живут. Ты не смотри, что я курносый: я счастливый. Опять же, однако, и тверезый — смею себя аттестовать: без рассудка не пью, знаю свою дозу...

— Ну, давай тебе Бог! — шутила Лиза. — Осядешь у нас в России, пожалуй, опять женишься — на российской?

Тимофей отвечал ей не сразу, помолчав; и с каким-то странным взглядом:

— Нет, жениться мне больше никак нельзя.

— Но ведь ты же вдовый?

— Я вдовый, да паспорт-то у меня женатый. Это правду говорил Потап Ильич, что русский человек состоит из души, тела и паспорта. И паспорт-от, пожалуй, точно оказывается действительнее всего прочего. Теперь, скажем, Ульянино тело в земле гниет, душа в

горних витают, либо бесы ее по мытарствам водят, а паспорт жив. Сама знаешь, кто теперь, по паспорту, Ульяною-то оказывается... И, стало быть, выходит теперича так, что в теле и душе я с Ульяною смертью разведен и венец наш кончился, а на паспорте — нет, дудки, женат! И теперь я на всю жизнь свою осужден к тому, чтобы — ежели в рассуждении бабьего случая — пребывать в незаконии, а насчет чтобы честным браком — однако, нет! Какого попа ни проси, всякий тебя с крыльца прогонит: с ума сошел, свет? двоеженцем желаешь быть? Хоть и на духу признайся насчет Ульяны — все одно: самый жадный поп — даже и для модели — венчать не станет. Потому что таинство таинством, а паспорт паспортом. Пред Богом оно, конечно, таинство главнее, ну а в людях паспорт покажи... Да! Умно я себя устроил! Могу сказать!

Лизе было очень неловко слушать это рассуждение, тем более что она находила его справедливым. Конечно, паспортная женатость Тимофея «на всю жизнь» обусловлена, главным образом, тем обстоятельством, что он не решился объявить смерть Ульяны. Это

его вина. Но она, Лиза Басова, воспользовалась странным юридическим положением Тимофея, и часть вины как будто перелagается на нее, самозванку, злоупотребляющую документом о женатости уже неженатого человека, пользующуюся формальным правом, которое в действительности погасло. Чтобы скрыть невольное смущение, девушка отшучивалась:

— Ничего, Тимофей, Бог милостив! У тебя рука счастливая. Умерла настоящая Ульяна, теперь я в Ульянах слыву, по паспорту. А в России найдешь себе новую Ульяну, чтобы была уже и по паспорту и по сердцу...

Тимофей покраснел всем своим курносым лицом.

— Нет, уж спасибо, покорно благодарю. Конечно, мне до стариков еще далеко: пятого десятка не переломил, силу в себе чувствую, человек грешный. Без бабы не проживу. Но чтобы опять комедь эту ломать, насчет паспорта, — нет, не согласен, оставьте! Если Бог пошлет согласную сожительницу, почему не взять? Но в Ульяны ее производить... нет! довольно!

— Что же, тебе имя надоело? — насмешливо спросила

Лиза, даже уколотая немножко почти задорною горячностью Тимофея.

Он объяснил, не смутившись:

— Не надоело, но что мне в нем приятного? О первой своей Ульяне я и думать-то ненавижу: ведьма была, одного теперь в жизни своей боюсь, не вздумала бы по ночам сниться. А вторая Ульяна — ты то есть, — чего лучше не надо, да не свой человек, чужой кус... Я к тебе со всем моим глубоким уважением и никогда тебя не забуду; но ничего в тебе к удовольствию своему я иметь не могу. Что лестного? От людей-то прячешься, прячешься, хитришь, мудришь, чтобы не заметили, что мы с тобою не в совете живем... Ты нашего сибирского глума не вкушала. У Сибири язык — бритва. Как начнут издеваться, каждый человек сбеситься может, ежели имеет свою амбицию. Уж и без того меня травят мужики, что я пред тобою больно шибко робею, выходит, будто покорствую под жениным башмаком... Я имею свой характер, могу вытерпеть всякую насмешку, но истинно тебе,

Ульяна Митревна, говорю: бывают насмешки непереносные. Нехотя озвереешь, среди зверей зверем себя выкажешь. Ты, Ульяна Митревна, уж снисходи ко мне, — пожалей маленько, если при людях, в таком разе, нагрублю тебе, не взыщи: не я грублю, амбиция грубит... потому что — по нашим понятиям — самый ничтожный тот человек, которым баба командует!

Неловкое положение Тимофея, в качестве «супруга», среди мужчин Лиза понимала тем лучше, что самой ей, в качестве «супруги», приходилось не веселее от бабьих стай, которые теперь окружали ее сорочьим стрекотом с раннего утра до позднего вечера. По части нравственности у сибирячек скверная репутация, но вряд ли вполне заслуженная. По крайней мере, сколько знавал я сибирское крестьянство и мещанство, бабы в них и на язык довольно сдержанны, и делом распутничают только там, где много «навозных»: своего рода «экзогамическая проституция» во вкусе и тоне древних жриц Астарты[6].[7] Пресловутый сибирский разврат — достояние безобразных слоев коммерческой и промыс-

ловой буржуазии, с случайными состояниями, с случайными банкротствами, «сегодня — на возу, завтра — под возом», — шик «Наполеонов тайги» и связанных с ними соответственных Жозефин[8]. В крестьянстве сибирском я ничего подобного не наблюдал. Напротив, не надо забывать, что южные сибирские степи — классический край крестьянского гражданского брака, очень прочно и честно соблюдаемого по простой силе обычая, без всяких принудительных уз. Если в сибирских женщинах что и коробит нравственное чувство, то не половая распущенность и безалаберность, а, наоборот, холодная способность оценить свое тело, как товар в спросе, и поставить на городской рынок совершенно точно обусловленным предложением. Известна поговорка о Сибири: «Птицы без пения, цветы без запаха, женщины без сердца». Да и то все это, по преимуществу, в полосах, развращенных «навозным элементом».

Но бывают в году сезоны, когда сибирская баба «дуреет». Это — масленица и свадебные мясоеды. Я говорил уже о пьянстве, которым сопровождаются сибирские свадьбы. Но и по-

мимо пьянства — это какой-то хаос распущенности в слове, жесте и деле. Большинство сибирских свадебных песен, острот и прибауток совершенно неповторимы в печати, между тем поют, острят и лясы точат, по преимуществу, женщины. В Минусинском уезде до сих пор уцелела старинная свадебная пляска «Козел», с такою выразительною мимикой, что канкан, кэк-уок и матчиш[9], сравнительно с ее первобытным цинизмом, не более как шведская гимнастика для детей среднего возраста. В Кузнецком округе посейчас молодую — для показания «честности» — выводят к пирующим гостям в одной рубахе. Высокоторжественная демонстрация эта сопровождается грохотом в тазы и котлы, пляскою в присядку, воплем, гиканьем и пением своеобразного хорала, что ли, под названием «Беда». Эту «Беду» начал было мне диктовать один минусинский обыватель, но, произнеся четыре стиха, сконфузился и отказался продолжать.

— Нет, знаете, черт ее побери! Однако совестно. Когда ее на свадьбе, пьяный, орешь, — как будто и ничего, а у трезвого язык не пово-

рачивается...

Словом, кто хочет вообразить себе настроение «хорошей и почестной» сибирской свадьбы, тому надо возвратиться из XX века в XVII и XVI — к Олеарию, Петру Петрею, Корбу [10]. Разница одна: все то, в чем на Москве обличали эти старинные иностранцы родовитое боярство, в Сибири стало пороками богатого «чалдонского» крестьянства. А то — тождество «настроений» полнейшее. Включительно до знаменитой сцены Олеария: «Когда мужья спяна попадали на пол, жены сели на них и продолжали пьянствовать, пока не упились донельзя». Включительно до пьяной путаницы, кто чья жена, кто чей муж, до так называемой «кумовщины». Ревнивый муж злобится на жену, замеченную им в амурах с каким-то молодцом на свадебной пирушке у родственников. Обыкновенно в Сибири на этот счет — строго: все за мужа и против неверной жены. Но тут только пожимают плечами:

— Дурак Блажных! Кто же тиранит бабу за свадебный грех? Известно, что бабы на свадьбах — сумасшедшие. Это ихнее время. Цар-

ствуют, подлые!

Когда Лиза впервые очутилась среди хмельных, полухмельных и похмельных баб-поезжанок, она прямо струсила: ей показалось, что она в доме сумасшедших, — таких словечек она наслушалась, такие невозможные вопросы ей задавались. Оскорбляться она не имела права, потому что видела, что обращаются к ней таким образом не со зла, а, напротив, с полным радушием, как к ровне, которой добра желают. Узнали, что «Ульяна Митревна» замужем седьмой год, а детей нет, и наперерыв осыпали ее супружескими советами и наставлениями — хоть провалиться от них сквозь землю в ту же пору! Застыдилась, растерялась, — дружным хором поднимают насмех: «Седьмой год баба замужем, а краснеет, как молодуха! Ишь, городская модница! Не разревись, поди, со стыдобы». И вправду, несколько раз атмосфера пряных слов и мыслей доводила Лизу до слез. Советовалась Лиза с Тимофеем, как ей вести себя, чтобы не было себе зазорно и баб не обидеть. Но тот только руками развел:

— Бабы, Ульяна Митревна!.. Время свадеб-

ное... Пьяные они... Ты отмалчивайся...

Так и решила Лиза: напустить на себя глупый вид и ровно ничего не понимать, — пусть лучше круглою дураю считают, но оставят в покое. Подействовало, отвязались. К великому своему удовольствию, Лиза вскоре удостоилась слышать собственными ушами такую себе аттестацию:

— Красивая жена у Тимофея, а уж куда не умна. Ни она слова сказать, ни она компанию разделить: сидит, как сова, да глазищами хлопает! Скука с нею скученская! А еще городская!

— Ее, миленькие, кажись, и муж-то не любит?..

— А за что любить? Разума в голове нет, детей не рожает... напрасно на свете живет, — только небо копит.

Свадебных пирушек Лиза окончательно не выдержала. При первой же демонстрации молодой с аккомпанементом «Беды», ею овладел панический ужас. К счастью, Тимофей был близ «жены». Он заметил, что Лиза белая, как мертвец, — еще минута, и упадет в обморок... Он выхватил «жену» из толпы, увел, будто

«сомлела». Так как сомлели уже многие женщины, то никто не обратил внимания. Лизе же это приключение стоило сильного — первого в жизни — истерического припадка. Тимофей хорошо понял, что потрясло Лизу, и задумался, как избавить ее от подобных зрелищ. Уговорились «сомлевать» на каждом пиру и как можно раньше. Как только пирование начинало переходить в оргию, Лиза симулировала обморок. Тимофей подхватывал ее и уводил, извиняясь, что «баба ослабела». Репутацию Лизы эти обмороки окончательно уронили: мало что «полудурье», да еще и больная! Тимофея же все жалели, что — польстился на красоту! навязал себе на шею сокровище!.. В каморке Лиза спокойно укладывалась спать, а Тимофей возвращался на пирушку. Так было и в Дагне, и в Плюще. Так устроилось и в Опустоши.

Лиза спала уже часа полтора, когда ее разбудило внезапно наполнившее каморку громыханье и бормотанье. В испуге она открывает глаза, приподнимается, садится на кровати и — в мерцании ночника — видит наклоняющегося к ней Тимофея, но — какого Тимофея!

От смиренного, вежливого «Сократа» не осталось и следа: лицо пылает огнем, нос — как вишня, голубые глаза остекленели и налились кровью, борода всклокочена, как войлок, дыхание — будто пожар в кабаке. Тимофей был совершенно пьян! Стоя перед изумленной, испуганною Лизою, он качался на ногах, как трость, ветром колеблемая, цеплялся за кровать, за подушку, за самое Лизу и лопотал полумертвым языком:

— Жена... супруга... сударыня... желаю, чтобы, значит, все по закону... Уль? а Уль? Ульша... а?

Лизу обуял страшный гнев. Не долго думая, она ударила Тимофея кулаком в переносицу с такою силою, что бедняга, будучи совсем слаб на ногах, рухнул навзничь и остался на полу в сидячем положении, крепко стукнув затылком о сундук.

— А, б..., паскуда, ворона сибирская! — возопил он. — Так-то? А в полицию хочешь?

Лиза обмерла.

Но Тимофея уже охватило сном. Он положил голову на тот самый сундук, о который едва не раздробил себе затылка, и захрапел.

Дверь приотворилась. В каморку заглянуло морщинистое лицо старухи-бабки, матери домохозяина. Она слышала крик и грохот упавшего тела и растревожилась.

— Что тут у вас, молодка? Захмелел, видно, сожитель-то твой?

У взволнованной Лизы едва достало силы найти подходящий ответ.

— Напился, свинья, и безобразничает!.. На ногах не стоит, а туда же командовать желает, драться полез!.. Прекрасно как: валяется на полу, как собака!.. Глаза бы мои его, постылого, не видали!

И завывла.

Она рассчитывала, что старуха, удовлетворив свое любопытство, уйдет. Не тут-то было. Бабка, в качестве человека стародавнего, в ответ на Лизино вытье, разразилась предлинным увещанием, что «реветь, мол, тебе не о чем, — видно, слезы дешевы и глаза на мокром месте; муж у тебя, молодка, человек прекраснейший, а ежели выпил лишнее, то с кем греха не бывает? И какие, право ну, недотроги стали ноне молодые бабы! Ты на меня гляди: я смолоду от сожителя своего только тем

не бита, чего в дому поднять нельзя, а сорок лет прожили вместе, развода не просили, детей подняли, внучат дождались. Чем голосить без толку, ты лучше сожителя пожалей: пьяный, что хворый. Нешто можно так, чтобы больной человек собакою на полу валялся? Ты его обряди, ты его уложи. Какая же ты жена, если к мужу жалости не имеешь?».

И пошла, и пошла.

Лиза убедилась, что от сибирской патриархальной матроны ей не отвязаться иначе, как войдя в смиренную роль покорной жены-сиделки. При помощи бабки она взгромоздила бесчувственного Тимофея на кровать, сняла с него сапоги, а сама осталась доночевывать до солнца, сидя без сна на сундуке. Непривычный к пьянству Тимофей действительно сделался ночью ужасно болен. Лизе пришлось возиться с ним, как с малым ребенком. Отравленный алкоголем, Тимофей горел, охал, стонал, метался, рвало его. Словом, ночка выпала такая веселая, что и настоящей жене много надо иметь любви к мужу, чтобы безропотно выдержать подобное испытание, а каково же было терпеть ни за что ни про что от со-

всем постороннего человека жене по паспорту?

Назавтра, когда Тимофей проспался, между «супругами» произошло жесткое объяснение. Тимофей был смущен до дна души, чувствовал себя глубоко виноватым, просил прощения чуть не со слезами, божился и зарекался, что больше напиваться не будет. Верить было можно, потому что — Лиза знала — в обычных условиях жизни спутник ее действительно был — по сибирским понятиям — человеком редкой трезвости. Но свадебные оргии и не таких людей выворачивают с лица наизнанку. После этой истории Лиза уже только о том и думала, как бы вырваться из засосавшей их вакхической обстановки, и ничего не могла сделать: их перекатывало, как шары какие-нибудь, из села к селу, с одного свадебного пира на другой, от тысячника к тысячнику. И всюду было одно и то же: разливанное море водки и пива, галдеж, песни, непристойная пляска свях, «Беда», «Козел». И — когда все перепьются, нагорланят, насквернословят и напляшутся до изнеможения — мертвый сон до следующего утра,

опять открываемого полубутылкою водки на похмелье. А чтобы переутомленный гость не мог убежать от тягостного хлебосольства, каждый хозяин спешил первым долгом обезлошадить поезжан: выпряженные из повозок кони угонялись табуном в степь — копытить корм.

Тимофей держал данное слово и вел себя прекрасно, хотя Лиза втайне уже не так доверяла ему и немножко побаивалась его с той пьяной ночи. Роль фиктивной «жены», разыгрываемая в грубых условиях степной фамильярности, надоела и опротивела ей до тошноты. Нельзя притворно фамильярничать без того, чтобы на отношениях не остался осадок настоящей фамильярности. Лиза так привыкла быть Ульяною по целым дням, что только ночь возвращала ей самое себя, Лизу Басову, с ее сознанием, мыслями, чувствами, — возвращала на короткий предсонный промежуток. А с утра — чуть ступила за порог своей «супружеской» каморки — опять позабудь, что ты Лиза, влезай в кожу Ульяны Митревны.

Свадебная волна незаметно увлекла «супругов» от намеченного ими пути в сторону

верст на полтораста. Это еще не так много. В Минусинске я знал не крестьянина даже, а полицейского чиновника, который поехал на свадьбу за шесть верст от города, а очутился затем, сам не зная как, за восемьсот верст, в Кузнецком округе, у совсем незнакомых мужиков. Но тем не менее, когда беглецы подошли свой уклон от маршрута, Лиза пришла в ужас, да и Тимофей почесал в затылке. Решили дальше ни к кому ни за что не ехать и, по возможности, немедленно удирать.

Но тут произошло нечто непредвиденное и нелепое, что опрокинуло все их расчеты и планы.

IV

Свадьбе, на которой они теперь гостили, шел уже третий день. Невеста взята была с ближней, верстах в десяти, заимки, и поезжане проводили время в том, что напьются у свекра, едут пить к тестю, напьются у тестя, едут пить к свекру. Где темный вечер пристигнет, там и ночлег. В одном из таких переездов застал их внезапно ударивший крепкий мороз. Лиза, не очень тепло одетая, страшно перезябла, приехала к месту совсем синяя, и голоса нет — только стучит зубами. Струсила, не схватить бы горячку. Стали отпаивать ее горячим чаем, принудили выпить большую рюмку знаменитой сибирской наливки из облепихи. Лиза ожила, простуды ее как не бывало.

Раньше Лиза никогда не брала в рот крепких напитков, разве пригубливала для приличия. Облепиха покорила ее быстро. Вообще это ужасная-ягода, для непривычного человека настоящий дурман — тем более в спирту. Сперва опьянение облепихою дает очень короткий период веселых возбуждений, потом

чувственный или буйный бред и наконец долгий мертвый сон: хоть ножами разойми человека — не услышит. На другой день — даже у крепких питухов — жестокая головная боль.

Одуренная облепихою, Лиза, сама не помнит как, очутилась в постели. Потянулась вереница тяжелых, диких, постыдных кошмаров. Ранним утром Лиза очнулась, как от электрического толчка. Еще не раскрывая глаз, она почувствовала, что она не одна в постели. Открыла глаза и на ситцевой подушке увидела, рядом с своею головою, курносое лицо, с широко разинутым ртом в густой курчавой бороде. Перина испятнана кровью. Холодея от ужаса, Лиза убедилась, что из фиктивной жены Тимофея Курлянкова она сделалась фактической... А голову как железными обручами ломит, и в глазах прыгают снопами зеленые искры.

Тимофей проснулся и помертвел от пристально уставленного на него страшного взгляда Лизы:

— Уля... что ты? Бог с тобою, что ты? Уля... Улинька...

— То со мною, что убью тебя, подлеца!.. Мало тебя убить! — вырвался хриплый стон из груди Лизы.

Но Тимофей вдруг облился гневным румянцем и подступил к «жене» резко, смело, почти гневно:

— То есть за что же это, однако, ты убивать меня желаешь, Ульяна Митревна? Вся твоя воля, но это с твоей стороны не по чести. Что было, то было; однако никакой вины моей против тебя нету. Я, однако, не варнак какой-нибудь, не в лесу силком тебя взял. Сама пожелала.

— Что?!

— То, что хоть чужих людей спроси: мало ли ты с вечера чудесила? То смирная, воды не замутишь, от каждого стыдного слова огнем вспыхиваешь, а тут разгулялась — не унять. Волосы распустила! Платье с себя рвать начала! Весь народ смеху дался. Я тебя от срама силком увел, спать уложил. А что не ушел от тебя, как обыкновенно, ты же не отпустила... Что же я, каменный, что ли?.. Оно, конечно, ты вчера не вовсе в себе была, да ведь и я облепили этой проклятой, грешным делом,

глотнул изрядно. Пьян не был, этого нет: я тебе обещал, что напиваться больше не буду, и слово мое крепко. А в голове пошумливало... мысли веселые пошли... владание ослабло... Кабы я вовсе трезвый был, может быть, и остерегся бы. А во хмелю бес сильнее человека... Кто своему счастью враг?.. Ты слушай меня, Ульяна Митревна, — уговаривал он, — ты не кручинься, сердца своего напрасно не бреди. Стыдиться тебе ни перед кем не приходится: что мы с тобою не муж и жена, это мы одни знаем. А для прочих мы в законе. Паспорт-от вот он. По паспорту ты — моя законная супруга. И как мы с тобой живем, никто нам в том не указ. Пред людьми ни на мне, ни на тебе никакого греха нет. Что мы вдвоем знаем, то при нас двоих и останется, а по паспорту ты — моя законная жена...

— Дьявол в твоём паспорте сидит! — отвечала рыдающая Лиза. — Будь он проклят, твой паспорт! Поработил ты меня им! Что от меня теперь осталось? Сперва твой паспорт имя мое съел, теперь тело погубил... Куда я теперь годна? Как я покажусь родне и друзьям?

— Ты не кричи... усмири себя... не кричи... Обнаружишься, — твердил побледневший, с трясущимися холодными руками, Тимофей.

— Все равно мне теперь! Кого мне беречься? Чего бояться? Хуже, чем ты поступил со мною, мне ни от кого быть не может... Все равно!

— Да мне-то не все равно! — почти зарыдал Тимофей. — Матушка! Ульяна Митревна! Ведь, если ты теперь себя обнаружишь, следствие начнется... никакие свидетели мне не помогут, никакой присяге суд веры не даст... Убивцем меня сделают! На Сахалин мне идти! За что? Матушка! Ульяна Митревна! Себя погубишь, меня погубишь... Усмири себя! Пожалей!

Он стал на колени и ползал, целуя подол ее рубахи.

— Уйди, — хрипела она, — уйди, тварь!.. Видеть тебя не могу... Убью я тебя! Уйди...

Она повалилась ничком на постель. Тимофей вышел. Несмотря на все свое самообладание, на этот раз он оплошал — на нем лица не было, так что хозяева переполошились.

— Что? Храни Бог, не захворала ли са-

ма-то?

Тимофей сделал страшное усилие и отвечал с натянутою усмешкою.

— Не то что захворала, а блажит с похмелья... Приступа к бабе нет!

— То-то, слышим, шумите в каморе...

— На том простите...

— О, нешто к тому? Дело житейское.

Домохозяин, пятидесятилетний сивый чалдон, хитро подмигнул Тимофею веселыми глазами:

— Маленько поучил, однако, благоверную-то?

«Поучил звонарь протопопа, как же!» — со злостью подумал про себя Тимофей. Но вслух произнес с важностью:

— Не без того...

— Ты вожжу возьми, — рекомендовал чалдон. — Я всегда вожжою. Баба вожжу любит, потому что вожжа — вещь крепкая.

Лиза пролежала до самого полдня, как пласт, уткнувшись лицом в подушку, ни разу не переменяв положения. Тимофей заглядывал к ней время от времени, но думал, что она спит, и оставлял ее в покое. Наконец ре-

шился окликнуть...

Лиза взглянула на него потухшими усталыми глазами...

— Тимофей Степанович, — сказала она тихим глухим голосом, — я тебя прошу... только увези ты меня отсюда сегодня же...

— Как сегодня, Ульяна Митревна? — забормотал изумленный Тимофей. — Кони в степи, шубы у тебя нету — надо шубу купить: холода пали, никак не управиться нам сегодня... Да и хозяевам обидно...

— Видеть я их не могу! Видеть не могу! — скрипела зубами Лиза и мотала головой. — Пойми: противно мне место это, бежать я хочу от него!.. Позорно мне здесь! Страшно!.. Не могу!

Но не уехали они ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Из лошадей одна хромала, шубу продажную нашли, но пришлось ее перешивать. Желая угодить тоскующей Лизе, Тимофей старался искренно и налаживал отъезд усердно, сколько ни пеняли ему за то радушные хозяева. На четвертый день Тимофей вошел к Лизе мрачный, как туча, и с досады даже шапку бросил оземь.

— Что еще?

— А то, что по Чулыму [11] сало пошло: паррома больше нет, почту сегодня кое-как на лодках перевезли, а завтра уже не берутся, до самого ледостава теперь конного пути не будет...

Лиза бледная сидела, стиснув зубы, уставя глаза в одну точку. Потом тихо-тихо и зло, нехорошо засмеялась:

— Везет же мне, Тимофей Степанович!

— Да, уж... точно... что и говорить! — вырвалось у того невольное согласие.

— Сама природа пути загораживает. Я уже не верю, что мы когда-нибудь вырвемся отсюда. Судьба! Если бы я была суеверна, то подумала бы, что это Ульяна твоя мстит мне, за чем я имя ее украла, не выпускает меня из Сибири проклятой...

— Ой, не поминай ты ее... не к добру...

— Долго ли ждать ледостава?

— Ден десять... Если морозы будут... Раньше лед не сдержит...

Лиза засмеялась еще горше и злее.

— Ты не убивайся, Ульяна Митревна, — попробовал утешить Тимофей, — зато теперь в

тайгу подыдемся, по снегу поедем, на санях... Не увидишь, как дорогу скоротаем... На Спиридона-соляцеворота [12], слово тебе даю, уже будешь в России.

— А мне теперь все равно! — тихо возразила Лиза. — Раньше, позже... все равно!

Тимофей глядел на нее с изумлением. Она продолжала:

— Ты еще не знаешь, какая беда со мною случилась... Я ладанку свою потеряла!.. Где — не знаю... Все углы, все щели осмотрела: нету! Уже на тебя думала: не ты ли снял?

— Зачем мне? — оскорбился Тимофей.

— То-то знаю, что незачем... Крест, образки целы все до единого, а ладанка оторвалась, пропала... я второй день ищу. Нету! Судьба!

— Авось найдется, хозяевам надо сказать...

— Нет, не найдется, — упрямо возразила Лиза. — Это судьба.

— Мощи там у тебя были, что ли, какие?

— Да, мощи... перст угодника Потапия!.. — горько усмехнулась Лиза.

По имени Потапа Тимофей догадался, что тут совсем не то, и деликатно умолк. Но в то же время взял про себя некоторое решение...

Вдвоем с Лизою они еще раз обшарили каморку, сени, углы, сорные кучи, отхожие места.

— Не иначе как черт украл! — говорил Тимофей. Лиза холодно и злобно повторила:

— Судьба!

Эта потеря добила молодую женщину.

Ее охватила какая-то суеверная, болезненная апатия, выражавшаяся полным бездействием, упадком сил и страхом людей. Буквально по целым дням Лиза лежала в каморке на постели, бессмысленно глядя на стену, молчала и даже не думала; считала спиленные сучки в бревнах, пятна, разводы. Если к ней входили, спешила притвориться спящею. Если вызывали ее Тимофей или хозяева, выходила полусонная, дикая, зевающая, старалась сесть особняком, выбирала угол потемнее, молчала, как рыба, была людям тяжела и себе неприятна.

— У Тимофеевой хозяйки в голове не все дома! — давно уже говорили по селу, многозначительно указывая на лоб.

Чулым стал. Санний путь открылся. Известие, что можно ехать, Лиза приняла равнодушно, точно оно ее не касалось. Машиналь-

но собрала пожитки, машинально распростилась с хозяевами. Только перед самым отъездом еще раз обыскала до нитки, до самой маленькой щели, свое помещение. Ничего не нашла...

— Судьба!

Печально и мрачно было путешествие на север. Двигались медленно, потому что — то метель, то оттепель, здесь река не стала, там ее распустило. Засиживались на станках по суткам и больше. Ехали то на колесах, то на полозу. В первые три дня Лиза с Тимофеем не сказала ни слова. Сидела в кибитке прямая, как истукан, и, почти не моргая, глядела в белую степную даль. Каждая встречная повозка пугала Лизу. На станках Тимофею приходилось долго уговаривать ее и наконец чуть не силою тащить, чтобы не оставалась в кибитке на морозе, но шла бы в тепло, к людям.

День был серый, снежный, с кисейными сетками густо летающих, тяжелых белых мух. Дорога шла в гору. Впереди чернели таежные холмы. Лиза сидела в кибитке. Тимофей, чтобы облегчить труд коням, шагал рядом с санями, понукая, посвистывая, припрягаясь к ог-

лобле, когда подъем крутел...

— Тимофей! — внезапно раздался глухой голос Лизы.

— Ась? — обрадовался Тимофей, что наконец-то заговорила.

— Куда мы едем?

— Не знаю, как станок называется. К ночи, люди сказывают, в Мариинском будем.

— А дальше куда?

— Куда приказывала...

Тимофей назвал город Пермской губернии, намеченный для Лизы Потапом.

Кони взяли гору. Тимофей дал им вздохнуть, потом сел в кибитку и погнал шибкою рысью. Бубенцы звонко заплакали жалобным смехом.

— Тимофей!

— Что, Ульяна Митревна?

— Мне нечего делать в N-ске, Тимофей... Явку я потеряла... время потеряла, всю себя потеряла... Судьба!..

— Перестань уж ты убиваться, Ульяна Митревна! Кое время себе мучишь занапрасно... Брось!.. Кабы польза была, а то сама знаешь, что непоправимое... брось!.. Тише вы,

уносные!

Кони пошли шагом.

— Если в N-ск не желаешь, прикажи, куда? Я сказал, что доставлю, и доставлю. Хоть в самое Москву!

— В Москву? К тетке? На Бронную? — вскрикнула Лиза. — Ни за что! Никогда!

— Не желаешь к своим, значит?

— Нет у меня больше своих... Стыд один есть! Как я своим в глаза глядеть буду? Умру от стыда... Страх какой!.. Не надо, Тимофей... не надо!

— Положим, что полиция признает тебя там, на Москве-то, — подумав, согласился Тимофей.

Лиза молчала. Разговор возобновился только на следующий день, уже далеко за Мариинском.

— Я не только своих боюсь, Тимофей, мне и чужие-то страшны, — говорила Лиза. — Если бы можно было найти нору какую-нибудь, забилась бы в нее, да так и не выглядывала бы... или вот ехать бы всю жизнь, как мы теперь едем, чтобы пристанища не иметь, чтобы никто не мог привязаться с расспросом,

кто ты, откуда, зачем... Не могу я! Умирать жалко, а вся жизнь моя сломалась... Не могу я на жизнь оглядываться! Не могу, чтобы меня прошлое окликало... Знакомым голосом!.. Заново надо жить... Не могу!..

— Да что же мне с тобой делать? Куда мне тебя девать? — лепетал смущенный Тимофей: он тоже начинал подозревать, что Лиза сходит с ума. Угрызения совести мучили его. И не только за «грех» против Лизы, а и еще кое за что. Дело в том, что ладанку-то он нашел в тот самый день, когда Лиза рассказала ему о своей потере. Она провалилась между двумя разошедшимися половицами в подклеть и лежала — одноцветная с ними, доступная только сибирским рысьим глазам. Тимофей знал уже, что в ладанке таится политический секрет, и, значит, она — штука опасная.

«Однажды потеряла и в другой раз не убежит, — думал он о Лизе. — А кто знает, чего тут Потап наколдовал? Сохрани Бог: попала бы в чужие руки? За клочок бумажки люди в рудники уходят...»

И, не долго мешкая, он отправил роковую ладанку в топившуюся печь.

«Ей же лучше, о ней же стараюсь, — мысленно оправдывал он себя перед Лизою. — Что потеряла, погорюет и перестанет, а свою петлю на своей шее возить — не расчет...»

— Куда? — в задумчивой тоске отозвалась Лиза на беспокойные вопросы спутника. — Почему я знаю?.. Если бы такую глушь найти, чтобы никогда никого из прежних знакомых не встретить...

— А жить чем станешь?

— Работать могу... В люди служить готова идти... мастерскую открою... прачечную... булочную... я все умею...

— Деньги нужны.

— У меня есть четыреста рублей.

— О? — сказал Тимофей и хлестнул лошадей. Промчавшись с версту, он раскурил трубку, затянулся, выпустил дым и серьезно обратился к Лизе: — На эти деньги, еже приложить к ним маленький капиталец, можно и торговишку начать в небольшом городе или селе хорошем...

* * *

Фабричный врач В-ский, административно высланный из подмосковного посада на север

за «литературу» и «неуместные собеседования» с рабочими, только что прибыл в Т., уездный город N-ской губернии. Он уже выдержал обычный искуc в полицейском управлении, с подписками, чтением закона о ссыльных, с наставлениями власти предержавшей о местном «режиме», и теперь искал себе квартиру.

— Трудное это у нас дело, ваше благородие, квартиру найти, — говорил В-скому, шагая по т-ским непролазным грязям, великодушно навязавшийся ему в качестве чичероне[13] полицейский солдат. — Вы, в столице обитая, привыкли жить чисто, а у нас обыватель, прямо надо сказать, свинья. В хлеву живет, в навозе дрыхнет. Разве попробовать на слободке?

— Я города не знаю. Где хотите. Мне — лишь бы клопы не обижали.

— Без клопа, ваше благородие, прямо говорю, не найти. Такой город. Даже в присутствии клоп преизбытствует. По зеркалу ползают, окаянные. Где без клопа? Не найти!

В-ский — чистюля щепетильнейший — тяжко вздохнул, уныло размышляя:

«Уж лучше бы меня опустили прямо в девятый круг Дантова ада[14]!»

Но мирмидон[15] вдруг круто повернул:

— Есть! Пойдемте на Соборную горку, ваше благородие. Попробуем счастья у лавочника.

— Неужели без клопов?

— Не должны бы еще развестись, подлые: новый дом лавочник поставил. Только что перебрались хозяева-то, до осени проживали в старом, при магазине. Богатеют прытко у нас черти-лавочники, ваше благородие. Хоть бы этого взять: всего четвертый год, как он проявился в нашем городе, а уж экую домину построил... Здесь, пожалуйста, ваше благородие...

— А вы разве не войдете?

Воин сконфузился.

— Не обожает этого здешний, чтобы наш брат к нему жаловал. «Ты, приказывает, ко мне в лавку приходи, я тебя, чем хочешь, ублаготворю, а на дом ко мне без надобности не шляйся. Не люблю!» Ничего, мы не обижаемся. Человек обходительный. А что нравный, все они, сибиряки, свободного духа наперлись. Сибирский он, ваше благородие, из

тамошних мещан... Вы извольте идти, ваше благородие, я у калитки подожду.

Две минуты спустя В-ский стоял в довольно чистеньком зальце, как обыкновенно бывают мелкокупеческие зальцы в северных уездных городах: с геранью, канарейкою, часами, которые кричат кукушкою, с портретами царя и царицы, с большими образами и лампадкою под низким белым потолком. По крашеному полу тянулась суровая домотканая дорожка, а по дорожке ходили два четвероногих: толстый серый кот и здоровый лупоглазый ребенок.

— Что? Приезжий? Квартиру ищет? Какая же у нас квартира? Нет у нас квартиры. Зачем пускала? — слышал В-ский сердитый женский шепот за перегородкою: хозяйка бранила работницу, открывшую В-скому двери. — Да уж хорошо, хорошо... что с тебя взять, если дура?.. Иду сейчас... поди, самого позови...

— Простите, пожалуйста, я, кажется, совершенно напрасно вас побеспокоил... — начал было В-ский навстречу входящей женщине, но поднял на нее глаза и осекся, разиня рот...

Перед ним — в замасленной, белой с розо-

выми цветочками, ситцевой блузе и с годовалым ребенком на руках — стояла молодая особа лет 28. В рослой плотной фигуре ее, в расплывшихся красивых чертах румяного лица, в русых волнах пышных волос, в серых восторженных глазах, внимательно на него глядевших, В-скому мелькнуло что-то знакомое, далекое, давнее...

— Басова! Лиза! это вы же! вы! — вскричал он наконец, потирая обе руки. — Какими судьбами? Как я вам рад! Вот неожиданность...

С лица женщины сбежал румянец, и руки ее, державшие ребенка, задрожали.

— Ой, как вы меня испугали, господин!.. — произнесла она белыми губами, притворно и осторожно улыбаясь. — Что вы? Я вас не знаю... Обознаться изволили...

И в ту же минуту, вывернувшись из боковой двери, застегивая на ходу пиджак, перед В-ским явился — уже лысоватый спереди — мужчина, с лицом курносого Сократа, в окладистой курчавой бороде. У него тревожно бежали глаза, но рот улыбался.

— Поди к себе, Ульяна Митревна, поди к

себе... Феня плачет, — быстро сказал он женщине. И — сейчас же к В-скому. — Очень приятно познакомиться. Тимофей Степанович Курлянков, домовладелец здешний, ха-ха-ха, коммерсант. Квартирку изволите искать? Крайне сожалею, однако нет у нас квартирки... нет... нет-с... Это вас дурак полицейский привел? Несобразная публика-с! Видят — новый дом и воображают... Какие квартирки! Нам с супругою едва повернуться... Трое детей-с!

— Это вашу супругу я имел удовольствие сейчас здесь видеть?

— Да-с. Супруга-с. Законная моя жена-с. Ульяна Митревна Курлянкова. Да-с.

— Ваша супруга имеет поразительное сходство с одною моею хорошею знакомою.

— Бывает-с. Бывает-с. Чего не бывает на свете?

— Может быть, близкая родственница? Мою знакомую звали — Елизавета Прокофьевна Басова.

— Басова? Не слыхал-с. Басова? Нет, такой родни у нас нету-с. Курлянковы, Хворовы, Черных, а Басовых — нет, не имеем. Да вы где

их изволили знать?..

— В Москве... студентом еще...

— В Москве не только родни, знакомых не имеем. Еще не бывали мы даже в Москве. Супруга моя, как и я, из Сибири происходит-с. Сибиряки-с. Соленые уши, — ха-ха-ха! Я — Курлянков, а она, по отцу, Черных. Да-с. Очень сожалею, что не могу услужить квартиркою... очень...

— Извините за беспокойство.

— Помилуйте... за честь понимаю... Покорнейше прошу... Не оступитесь... Пожалуйста...

— Поладили, ваше благородие? — спросил В-ского ожидавший мирмидон.

— Нет, брат... не отдают... — раздумчиво отвечал тот, весь в мыслях о только что пережитой встрече.

— Так я и знал, что не отдадут. Характерные сибиряки. Что же? завтра еще поищем. Теперича свести вас, что ли, на постоялый двор?

— Веди на постоялый двор.

В грязной комнатке постоялого двора В-ский лежал на облупленном клеенчатом диване и думал: «Двойников на свете не бывает.

Если я видел не Лизу Басову, то ее оборотня».

В дверь постучали.

— Можно-с?

— Пожалуйста...

Пробежали часы... При колыхающем пламени свечи В-ский жал на прощание руку человеку в окладистой курчавой бородке, с лицом лысого Сократа, а тот ему объяснял:

— Истинно говорю вам: в селе сем подгородном вам не в пример лучше будет устроиться, чем в городе. Домик тот, который я вам рекомендую, у попа-с, — чудеснейший. Понюхав, несомненно, найдете многих товарищей ваших. А о разрешении выбрать местожительство не заботьтесь: только заявите желание, чтобы обитать на селе — исправник у меня, по долгам своим, во где сидит: да и ну — запищит... Но уж, пожалуйста!.. Как благородного человека, вас прошу: позабудьте! И супруга просит... Неудобно это, чтобы нам с вами в одном городе... Сделайте милость! Не тревожьте! Я ежели и деньгами что... могу-с!.. Потому что женщина-с... нервы у них... Трое малых детей... сама тяжелая... Убедительнейше вас прошу: гораздо лучше вам будет на се-

ле, чем в нашем городе. Какой это город? Одно предисловие... Смехота-с!..

Примечания

Как отметил автор в предисловии ко 2-му изданию сборника «Бабы и дамы», рассказ был записан им в Париже, «со слов лица, непосредственно участвовавшего в этом приключении». Входил в сб. «Фантастические правды».

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Бабы и дамы: (Междусословные пары). Спб., 1911.

Примечания

Куropаткин А. Н. (1848–1925) — русский военный деятель, в 1898–1909 гг. — военный министр.

[^^^]

Желябов А. И. (1851–1881) — русский революционер-народник.

[^^^]

Покров — праздник Покрова Пресвятой Богородицы приходился на 10 октября — время окончания сельскохозяйственных работ, к которому приурочивалось празднование свадеб.

[^^^]

4

«Оргиазм» — теория, распространенная в среде художественной интеллигенции на рубеже XIX–XX вв., согласно которой для полной реализации творческих способностей человека необходимо раскрепощение его внутренних, стихийных сил.

[^^^]

5

Ганнибал (247–183 гг. до н. э.) — карфагенский полководец и государственный деятель.

[^^^]

6

Астарта — азиатская богиня любви и плодородия, культ которой включал в себя «священную проституцию».

[^^^]

См. в моих «Сибирских этюдах», изд. 2-е,
очерк «Гальтиморы» (Прим. автора.)

[^^^]

Жозефина Богарне (1753–1814) — супруга императора Наполеона.

[^^^]

Канкан, кэк-уок и матчиш — модные в конце XIX — начале XX в. танцы, вначале воспринимавшиеся как непристойные.

[^^^]

Олеарий, Петр Петрей, Корб — известные путешественники XVII в., составившие описания своих путешествий в Россию.

[^^^]

Приток Оби (Прим. автора.)

[^^^]

12 декабря. (Прим. автора.)

[^^^]

Чичероне (итал.) — провожатый.

[^^^]

Девятый круг Дантова ада — в «Божественной комедии» Данте последний круг ада, в котором караются предатели (Ад, песнь 32, 33).

[^^^]

Мирмидон (греч. мифол.) — представитель ахейского племени, которое сражалось под Троей, выполняя все повеления своего вождя Ахилла («Илиада»); иносказательно — человек, неукоснительно выполняющий полученные им указания.

[^^^]